

Гении бывают разные — например, гении экранизации анекдотов. После просмотра очередной передачи "Городок" с Олейниковым и Стояновым сил терпеть больше не было. Хотелось скорее воздать героям телеанекдотного жанра, пусть даже по телефону. Первым под телефон Телеги попал Илья Олейников.

— С чего начнем? С какого этапа?
— С какого бы вы хотели, чтобы о вас знали.

— Хорошо, пусть знают с 86-го года. У меня тогда партнером был Роман Казаков. Помните фразу "вопрос, конечно, интересный"? Это от нас пошло. Это было наше первое выступление на Центральном телевидении. До того нас с успехом вырезали. Живого места не осталось к 86-му году — все было вырезано сплошным. Мотивировали кто чем. Кто говорил, что какой-то свет неудачный в тот момент, когда мы выступали, то звук какой-то плохой, то прическа странная, то уши торчат, то усы чересчур густые. Там было много аргументов, они ни разу не повторялись — надо отдать им должное.

— Вы закончили эстрадное училище...

— Мы же учились с Геней Хазановым на одном курсе (шепелявит по телефону, вообще все сливается в один поток. Уже несколько раз прошу переповторить. — Э. Н.)...

— У вас не только с внешностью, у вас еще и с дикцией нелады...

— А-а, ну тогда я сейчас буду разговаривать з-на-чи-те-ль-но раз-бор-чи-ае-е. Шас луч-ше?

— Го-раз-до. Где вы нашли себе напарника Юру Стоянова?

— С Юрой мы познакомились совершенно случайно в 89-м году. На каком-то концерте, даже не помню где, мы как-то понравились друг другу, потом вместе встретили Новый год...

— Звучит очень романтично...

— Я сейчас объясню, почему: у нас с собой была видеокамера, и когда к двум часам ночи мы выпили практически все, что можно было выпить, то вспомнили про камеру и стали изображать. Он изображал Молчанова, я — Стрельчика, причем в самых пикантных ситуациях, поскольку нам было очень весело. Потом, когда утром пришли в себя и отсмотрели... — ох, жалко, этого показать нельзя. Мата много — но очень смешно. Правда, действительно очень смешно.

Не будь дураками, мы подумали: раз у нас так все получилось в пьяном виде, может, и в трезвом что-нибудь выйдет. Пришли к Кириллу Набутову в "Адамово яблоко" с идеей экранизации анекдотов. Кирилл сразу пошел навстречу, и два года мы у него работали. Но получилось, что не-передача работала на нас, а мы на передачу. Письма, которые приходили в наш адрес, начинались так: "Дорогой Кирилл Викторович, спасибо вам большое за анекдоты. Передайте вашим двум артистам от нас большой привет". Меня эта формулировка "ваши два артиста" всегда безумно смущала — фамилии, имена у нас есть? Получалось, что Набутов — Карабас-Барабас, а мы со Стояновым — Пьеро и Арлекино. Кирилл предлагал, чтобы мы сделали свою авторскую передачу под эгидой "АЯ" на питерском ТВ. Но тут нам максимально пошло навстречу Российское ТВ (все же аудитория большая).

Первая передача вышла в мае прошлого года, и, естественно, 4 — 5 месяцев ее бросали по эфиру так, что... Причем, как правило, были большие осложнения с Борисом Николаевичем. Скажем, объявлена передача в эфир на 21.25, а в это время Ельцин откуда-то прилетает, и передача с эфира слетает. Так она из-за приездов Ельцина раз пять куда-то улетала. Меня эта закономерность уже начала напрягать — в тот день, когда выходит передача, обязательно что-то происходит с Ельциным.

— Прямо рок какой-то...

— Да, а я вам скажу больше: я был уверен, что нас, как оно называется, это слово... (бормочет что-то нечленораздельное — ну и связи!), шас, шас, ну вот это слово, вылетело у меня из головы, ну как это, Господи боже мой...

— Ну как что?..

— Ой, ну вылетело из головы...

— Ну, то есть это как знак судьбы?..

— Ну как знак судьбы, ну как кто-то нечто заколдовал, ну как это называется слово-то?.. Да не знамение, ну как это, Господи... ну вот черный глаз какой-то, я не знаю...

— Сглазил?..

— Во, сглазил! Сглазил! Вот! У меня есть

один очень хороший знакомый, он как бы с меня этот сглаз снял...

— Руками водил...

— Ну да, руками, естественно. По телу причем. Причем по голому... Но не по моему, а по своему. И короче говоря, буквально через три дня после этого нашу передачу вытаскивают на худсовет. А до этого было уже 7 или 8 передач... до этого худсовет... Для руководства Российского телевидения было большим откровением, что у них эта передача, оказывается, существует. Они до этого ее не смотрели. После худсовета художественное руководство выдало нам карт-бланш. Меня хо-ро-шо слы-ш-но?..

— О-че-нь...

— Дали нам "зеленую улицу", за что мы сильно благодарны, а с учетом того, что сейчас вообще происходит на телевидении... Короче, мы им понравились, возникло большое обоюдное чувство...

— Оплаченное?

— Как это так?

— Передачу-то у вас купили?..

— Деньги там чисто условные. Они просто дают нам возможность делать передачу, что гораздо важнее. Что-то финансирует РostB, ну вообще-то мы существуем за счет спонсоров.

— Илья, вы как бывший эстрадный артист...

— Я и не бывший, я и сейчас действующий.

Передача, конечно, занимает огромное количество времени. Она идет 25 минут, но поскольку в ней нет больших сюжетов, то у нас уходит 4 — 5 дней для того, чтобы все это придумать, собрать. Потом дней 7 мы ее снимаем.

Монтируем. Потом "Городок" выходит в эфир, и надо сразу думать над следующим выпуском. Конечно, это конвейерность... Не до эстрады. Очень редко, очень, — но с удовольствием.

— Как вы себя ощущаете в роли телевизионщика?

— Я себя хорошо ощущаю. Гораздо лучше, чем до того, как никак не мог переквалифицироваться в то, чем вы обзвали.

— Как отбираете анекдоты, откуда идея?

— Из головы. Из головы — это раз, а потом есть совершенно замечательный журнал в Екатеринбурге "Красная бурда". Там совершенно замечательные ребята, все с бородами. Они как бы дышат так же, как и мы. Мне прислали последний журнал. Там была такая хохма, я думаю, очень смешная, — такая мулька, когда женщина сидит у гинеколога и спрашивает: "Доктор, скажите, а у вас до меня были женщины?". По-моему, пикантно.

— Это ваш самый любимый?..

— Этот? Да нет, что вы... У меня вообще нет любимых анекдотов.

— В общем, вы тащитесь от всего, что вкусно, хорошо и классно.

— Да, совершенно верно. У меня есть один любимый анекдот, но его совершенно нельзя играть на телевидении.

— Расскажите.

— Ну, это долго...

— Ничего, я послушаю...

— Не-е, долго — это первое, второе — надо принять на грудь... И потом, по заказу, как правило, ничего не получается. Ничего в башку не приходит.

— Что вам говорят зрители, когда звонят? Анекдоты, наверное, предлагают?..

— Они, как правило, пишут, но 90% полная муть. Редко кто пришел талантливую историю. Сидит Штирлиц в ресторане. Подходит официант. Штирлиц говорит: "Мне, пожалуйста, 200 грамм водки". Официант отвечает: "Извините, водки у нас нет". "Ну тогда 200 грамм коньяка". Тот говорит: "Извините, но и коньяка нет". "Ну тогда 200 грамм спирта". Тот говорит: "Вы не поверите, но у нас уж третий день как кончилась выпивка". "Значит, связник уже здесь?" — подумал Штирлиц.

— Хорошие анекдоты слишком широко известны...

— Есть совершенно замечательный расхожий анекдот. Сидит колхозник в деревне. "Безумно хочу ехать в Америку. Причем в Санта-Барбару. Почему? Я всех там знаю".

— Вы как будто куда-то торопитесь?

— Конечно, собираюсь завтра со Стояновым в Англию (11.11.94 г. — Э. Н.). Будем снимать "Городок" в Англию. Естественно, английские анекдоты, Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Все будет вертеться вокруг Англии. "Ужасы нашего Городка" перекинем на английскую почву.

У меня, кстати, есть одна замечательная пародия на рекламу. Ну это очень смешно. Екатерина и Суворов. Суворов все время ест. Екатерина и говорит: "Что это у нас граф Суворов все уплетает и уплетает за обе щеки?" А он и говорит... дальше не скажу, потому что это будет в передаче.

— Юмористических передач много. Какая из них нравится и за что?

— Это очень сложный вопрос. Считаю очень талантливым Игоря Угольников, но мне кажется, он себя загубил тем, что делает очень большой перерыв между передачами. Мне очень нравятся "Маски-шоу". У них, правда, со вкусом бывает перебор. Одна передача вообще, я считаю, просто блестящая — "Маски в опере". "Сам себе режиссер" — это уже другая программа. Про программу "Аншлаг" ничего говорить не буду.

— Почему Англию выбрали?

— До этого ездили в Израиль, потому что у моего друга своя авиакомпания "Сенатор чартер". А сейчас — в Англию, потому что у меня другой друг работает в совете по туризму. То есть это не мы — это нас выбирают. Это не то что мы готовили передачу об Англии и вот мечта сбылась. Если у меня обнаружится какой-нибудь приятель в Зимбабве — ну, поедом в Зимбабве.

— Сколько вам лет?

— Однажды в Питере мне не спалось. И чтобы вызвать сон, я решил, как Володя Вишневецкий, сочинять одностишья. Первое, что пришло на ум: "Мне сорок, но за вычетом налога".

— Рискну предположить: в ту ночь вы так и не уснули.

— В ту — нет, а в следующую, в следующую... Вообще-то мне 47. На экране я хуже выгляжу, в жизни — значительно лучше. Я себе иногда очень нравлюсь.

— Пушистые усы и Олейников — неотделимы?

— Мой друг, когда посмотрел последнюю передачу, позвонил и говорит: "Илья, знаешь, я понимаю, что усы — это как бы твой имидж, собрал бы их хотя бы на одну передачу". Он считает, что ими я очень сужаю свой актерский диапазон. И я с ним согласен: я уже не могу сыграть, скажем,

ОЛЕЙНИКОВ, :
СТОЯНОВ :
Душки экрана

«В НАШЕМ
«Городке»
ПОЛНЫЙ
ПОРЯДОК»

ПОРЯДОК»
ПОЛНЫЙ
ПОРЯДОК»
«В НАШЕМ
СТОЯНОВ, :
ОЛЕЙНИКОВ, :

женщину. Разве что грузинку лет 130.

— У каждого юмориста свой "городок". Вы как с коллегами по цеху общаетесь, стараетесь жить дружно?

— Наш "Городок" находится за границей их городка.

— Вы веселый человек?

— Я безумно грустный. Сейчас у меня последняя степень печали, но я стараюсь ее перебороть.

— ?

— Это шутка. Это я вроде как пошутил.

— У вас есть дети?

— Так ведь не только у меня. У многих так получается, что есть дети. Дети в единственном числе. Они у меня мальчик. Служат в армии. Я их сам туда отдал. Изувер, в общем.

— Друзья?

— Очень близкий мой приятель Толя Гузенко, работает в Театре сатиры. Мы с ним вместе с 16 лет. Я сам из Кишинева. Он тоже оттуда. Мы с ним вместе ходили в народный театр. Играли в пьесе "Девушка из Сантьяго": он — партизана Камиллу, я — священника. Это была ужасная пьеса, играли мы еще хуже.

— И все же вы веселый...

— У меня сегодня удивительно игривое настроение. Есть такой анекдот: "Еврей приходит к врачу и говорит: "Доктор, вы знаете, я в последнее время стал очень много пить, очень много есть и все время сплю с разными женщинами. Это не инфаркт?". У меня, по-моему, похожее предынфарктное состояние.

— У вас есть поклонницы?

— У меня-то? Откуда ж я знаю? Письма пишут в основном мужики. Нет, тут одна 19-летняя девочка прислала какое-то экзальтированное письмо: "Я вас люблю...". Но я думаю, что она, наверное, очень толстая или кривая. Нормальная 19-летняя девочка мне так писать не будет. У меня однажды был интересный случай, связанный с поклонником. Как-то я ехал из Одессы в Кишинев на поезде, и какой-то мужик на меня очень пристально смотрел. Вглядывался мне в глаза. Я его готов был физически уничтожить. Ну, думаю, только подойди, я тебе такой автограф напишу. Только подойди. Наконец он ко мне подходит, я делаю лицо уставшего кумира, даю немножко снисхождения. Он мне и говорит: "У вас ширинка расстегнута". Клянусь жизнью, это не анекдот, не хохма. Это было со мной. Вот я тогда понял, что слава — это такая временная штука, что к ней нельзя относиться серьезно. Я очень жалею, что 99% кумиров и эстрадных звезд через эту "ширинку" не прошли. Они как-то все это буквально воспринимают.

— А вы считаете себя звездой?

— Не-а. Для этого же надо постоянно в каких-то тусовках участвовать.

— На сколько вас еще хватит?

— Ну, на полгода точно. Одну передачу отсняли, сели, стали думать по поводу Англии. Снимем Англию — будем думать о том, что делать потом.

Юрия Стоянова долго не получалось заставить дома. Так что его компаньон Олейников даже начал волноваться — в Англию скоро пора лететь! Потом выяснилось: гулял с собакой — естественно, дворнягой. В отличие от Олейникова, Стоянов пожелал, чтобы его знали с 78-го года.

— Я закончил ГИТИС в 78-м году. Было много ролей, но, как правило, роли я получал, если кто-нибудь напилился, заболел, не являлся на спектакль, когда возникали какие-то экстремальные ситуации. Я тяжело всегда себе представляю, как читать пьесу, если мне на это дают 7 дней, я при-вык за 7 часов.

— На телеэкране создавать образ труднее — вот вы так здорово изображаете Жириновского: "Гражданин России!" — "Свободен!".

— Да, с Жириновским интересная история. Это здорово, когда все понимают, о ком речь. Это очень сложный вопрос — как это получается. Получается оттого, что ты знаешь — ты схватил его человека, оттого, что начинаешь ловить кайф, когда себя им чувствуешь. Я могу, как Жириновский, разговаривать часами. Я даже знаю, как ему работать над имиджем. Что дальше делать. Есть замечательная пьеса Артура Уи, там есть эпизод за эту тему — как режиссируют диктатора. Чуть меньше экзальтированности, чуть больше паузы, перед тем, как сказать, чуть добрее взгляд, чуть больше

усталости. Станет мудрый, добрый

чуть-чуть. И вся эта истерия, пропущенная через медленность и доброту, обернется чем-то вроде Ленина...

— У вас склонность к глубокому анализу... Какова ваша роль в подготовке "Городка"?

— Это парадоксальная передача, в которой я чувствую себя и актером, и режиссером одновременно.

менно. В равной мере. Я бы разделил наши функции проще: Илья — больше автор, актер, а я — режиссер. У нас блестящий оператор, с ним мы работаем уже 4

года. Он рос вместе с нами, а мы вместе с ним. Вопросы раскладки, смены крупности планов и монтажа, уже, знаете, на каком-то уровне подсознательном... Происходят странные вещи — мы не можем совершенно ретелировать вне камер.

У нас все живые вещи получаются только во время дублей, во время съемки. У нас нет такого, чтобы все было отточено — ну-ка нажми кнопку так, чтобы нас не испугать. Или нет, Митя, ты эту кнопку так нажми, чтобы мы слышали, как она включилась... Чтобы мы знали, что ты нас снимаешь... Тогда все получается...

— Кто у вас верховодит?

— При обсуждении чаще я пытаюсь командовать. Бывает, орем друг на друга час, потом меняем грим и меняемся ролями.

— Кто предлагает анекдоты?

— Не более десятой части хохм нами позаимствованы, все остальное — наши оригинальные задумки.

— Вам приходилось наступать "на горло собственной песне"?

— Да, мне, например, не советуют затрагивать в "Городке" церковь. Как раньше коммунистов. Я не могу снять для передачи, например, такой анекдот. "Женщины где-то в Аравийской пустыне собираются побить камнями некую грешницу. Христос, видя такое дело, просит их — пусть та из вас, кто не грешна, первая бросит камень. Все отступают и только странная старуха с диким криком набрасывается на жертву. Христос морщится: "Ой, мама, опять вы со своим непорочным зачатием..."

— Скрытая камера в "Приколах нашего городка" — действительно скрытая?

— Спрашиваете, я когда иду на эти съемки, беру с собой но-шпу и баральгин. Я очень старею во время съемок скрытой камерой, переживаю, ведь живых людей срежиссировать невозможно. У нашей скрытой камеры есть свои принципы: люди, которых мы снимаем, не могут выглядеть в ней подлыми, злыми или идиотами, а только добрыми и наивными.

— Лучший "прикол нашего городка"?

— Конечно, в Израиле, когда мы в форме наших гаишников штрафовали на окраине Тель-Авива бывших сограждан, и те исправно платили мзду.

— Какие письма приходят в "Городок"?

— "... У нас такая хорошая передача — почему ее так трудно увидеть и нет повторов?"

— Ваше местоположение в человеческой системе?

— 37 лет. Жена Дуня.

— Что вы возьмете с собой в Англию?

— Побольше "Беломора" и "Прими".

— Для чего?

— Для работы...

Фото Александра КИТАЕВА,

(детский журнал "Баламут", С.-Петербург.)

Олейников Илья